

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.130-140

А. В. Корнев*

Конкуренция методологических подходов в истории политических и правовых учений¹

Аннотация. Статья посвящена различным подходам к изучению политико-правовых доктрин. Каждая из них в своей структуре содержит методологическое основание. Именно методология политических и правовых идей во многом определяет их научную состоятельность и практическую реализуемость. В этой связи методологические приемы приобретают большое значение. Особенность истории политических и правовых учений как научной и учебной дисциплины состоит в том, что она не только использует те или иные методы научного познания, как и любая другая наука, но и сама располагает мощным методологическим потенциалом. В настоящее время мы являемся свидетелями бескомпромиссной войны идеологий, за которыми стоят те или иные ценности, интересы. В данном контексте раскрываются методологические подходы, используемые в познании политико-правовой реальности, отраженной в идеях мыслителей прошлых эпох и современности. В статье не рассматриваются общие, частные и специальные методы познания. Акцент сделан на определенных познавательных подходах и действиях в целях анализа содержания политических и правовых учений. Предпринята попытка рассмотреть историю, к примеру, не как науку, а как научный метод. То же касается философии и социологии. Это несколько расходится с определенными «стандартами» касательно методологии как совокупности методов и приемов добывания научного знания. Тем не менее применительно к истории политических и правовых учений такой подход оправдан особенностями объекта и предмета исследования. Конкуренция подходов означает всего лишь свободу выбора исследовательских приемов и их способность дополнять друг друга.

Ключевые слова: государство; доктрина; история; конкуренция; метод; подход; политика; право; прием; социология; учение; философия.

Для цитирования: Корнев А. В. Конкуренция методологических подходов в истории политических и правовых учений // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 130–140. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.130-140.

Competition between Methodological Approaches in the History of Political and Legal Doctrines²

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kornev_av@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to various approaches to the study of political and legal doctrines. Each of them in its structure contains a methodological basis. It is the methodology of political and legal ideas that largely determines their scientific validity and practical feasibility. In this regard, methodological techniques are of great importance. The peculiarity of the history of political and legal doctrines as a scientific and educational discipline

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00779.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00779.

© Корнев А. В., 2022

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

kornev_av@rambler.ru

is that it not only uses certain methods of scientific cognition, like any other science, but also has a powerful methodological potential itself. Currently, we are witnessing an uncompromising war of ideologies having certain values and interests behind them. In this context, the paper reveals methodological approaches used in the cognition of the political and legal reality reflected in the ideas of thinkers of past eras and modernity. The paper does not consider general, particular and special methods of cognition. The emphasis is given to certain cognitive approaches and actions in order to analyze the content of political and legal doctrines. In this regard, the author attempts to consider history, for example, not as a science, but as a scientific method. The same applies to philosophy and sociology. This is somewhat at odds with certain «standards» regarding methodology as a set of methods and techniques for obtaining scientific knowledge. Nevertheless, in relation to the history of political and legal doctrines, such an approach is justified by virtue of the object and subject of the study. Competition between these approaches means only freedom of choice of research techniques and their ability to complement each other.

Keywords: state; doctrine; history; competition; method; approach; politics; law; technique; sociology; teaching; philosophy.

Cite as: Kornev AV. Konkurenciya metodologicheskikh podkhodov v istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy [Competition between Methodological Approaches in the History of Political and Legal Doctrines]. *Lex russica*. 2022;75(9):130-140. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.130-140. (In Russ., abstract in Eng.).

Имеет смысл сделать некоторое отступление и предпослать основным идеям определенную информацию для размышления. Редко кому приходит в голову, что методология как таковая имеет и мировоззренческую составляющую.

Современный мир вступил в беспрецедентный период борьбы идей, ценностей, идеологий. То, что мы видим сегодня, не наблюдалось даже во время так называемой холодной войны. В конце 80-х годов прошлого века казалось, что этот исторический отрезок закончился навсегда. Наша страна целиком перестроила свою экономику под самые общие представления о рынке, начала формировать политическую систему, основанную на конкуренции, отменила цензуру, на конституционном уровне закрепила основополагающие права человека и сделала еще много того, что укладывалось в западные стандарты. Формировалось законодательство под требования Европейского Союза и Всемирной торговой организации. Но, увы, Россия не стала частью западного проекта. А ведь жертвы принесены были немалые. В чем причина? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо почитать Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, И. А. Ильина и многих других выдающихся русских мыслителей. Вот какой ответ предлагает Данилевский: «Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т.д., —

материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему, как прежде было надеяться, как особенно надеялись немцы, которые, несмотря на препрославленный космополитизм, только от единой спасительной германской цивилизации чают спасения мира. Европа видит поэтому в Руси и в славянстве не только чуждое, но и враждебное начало»³.

Разумеется, данную позицию, абсолютно правильную, необходимо воспринимать с учетом исторических поправок. Китай и Индия — далеко уже не «материал». Китай давно превратился в мировую фабрику и экономического гиганта. Некоторые рейтинговые агентства считают его экономику первой, а некоторые — второй после США. Но это непринципиально, так как США за счет «бухгалтерских» ухищрений постоянно накручивают 4–7 % в мировом ВВП. Индия стремительно развивается, хотя экономических проблем там хватает. Взять хотя бы продовольственную. Значительная часть населения этой страны недоедает. Вместе эти две страны составляют значительную часть мирового населения. По этой причине западные страны изо всех сил стараются не допустить альянса России, Китая, Индии, призывая последних двух начисто забыть прошлое и варварское отношение метрополий к своим колониям или полуколониям. Принципиальной разницы нет.

И дело здесь, собственно говоря, не в самой Европе. Она как была к нам враждебна, так и останется. Проблема в нас, в России как таковой и в народах, ее населяющих. И здесь опять

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991. С. 50–51.

абсолютно прав Н. Я. Данилевский: «...всякая народность имеет право на самостоятельное существование в той именно мере, в какой сама его сознает и имеет на него притязание»⁴.

Задача стоит перед Россией непростая. Или проиграть коллективному Западу в войне, возможно в ее «горячей» форме, и быть разделенной на несколько подконтрольных внешнему управлению государств, или победить и остаться великой страной — цивилизацией. Однако для этого нужно обладать той волей и теми возможностями, о которых писал Данилевский. Говоря современным языком, необходимо сохранить политическую, а стало быть, и историческую субъектность. Когда народ или народы отказываются от этого права-обязанности, они из субъекта превращаются в объект истории. Фактически они соглашаются с ролью биомассы, ни на что не претендующей, игрушки в руках мировых кукловодов. Их собственная судьба будет решаться не ими, и даже не национальными политическими центрами. Сегодня это отчетливо видно на примере прибалтийских государств, государств Восточной Европы. И даже страны «настоящей» Европы, такие как Германия, Англия, Франция, Италия, Испания, по сути, представляют собой марионеточные государства в руках евроатлантистов. А что же говорить о других.

Точно так же, как объективное право берет свое начало от права-претензии на что-либо (субъективного права), так и право народа на свою политическую субъектность, притязание на территорию (пространство) как свою собственную обеспечивает ему независимость. Пусть иногда и весьма условную.

Упрощая, можно сказать, что народ, осознающий свое право притязать, создается двумя субъектами — историком и картографом. Историк обязан сформировать миф о том, что мы, то есть определенный народ, — народ самый древний и цивилизованный, в то время как другие были просто дикарями и долгое время находились на стадии варварства. А задача картографа состоит в том, чтобы показать, и главным образом доказать, что эта земля всегда или некогда была «нашей». В процессе внедрения политической мифологии информация буквально уничтожает смыслы, за которые имеет привычку держаться человек. Или, как более точно выражается Ж. Бодрийяр, «...информация раз-

лагает смысл, разлагает социальное, превращает их в некую туманность, обреченную вовсе не на прирост нового, а наоборот, на тотальную энтропию»⁵.

Все очень логично: энтропия порождает хаос и хаотизацию; это облегчает задачу навязывания своей модели или картинки мира. А деление на своих (друзей) и чужих (врагов) и вовсе предполагает относительно предсказуемое и контролируемое управление происходящими процессами.

Надо честно признаться, что информационную войну наша страна безоговорочно проигрывает. Тому много причин. Если говорить о сфере образования, одна из них состоит в сознательном ослаблении воспитательного, мировоззренческого потенциала таких дисциплин, как история, литература, русский язык. **В системе юридического образования такую роль когда-то играла история политических и правовых учений, а потому из образовательных стандартов ее целенаправленно исключили.** Наши оппоненты воспитывают свою молодежь в духе зоологической русофобии, презрения ко всему русскому. Дошло до запрещения А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, П. И. Чайковского, А. П. Чехова и др. А между тем на театральных сценах мира Чехов уступал разве только У. Шекспиру. К слову сказать, сомнения в реальности существования такого автора как одного человека до настоящего времени так и не развеяны. Да и разве можно представить себе мировую литературу без Достоевского, а театр без системы Станиславского? Видимо, можно. А причин такой политики в отношении России, как представляется, всего две: зависть и осознание того, что русская культура, особенно наша литература, включая советскую, как раз и способна формировать смыслы, определяющие бытие. Как отдельного человека, так и общества и государства. Коль скоро в западной культуре возобладала тенденция расчеловечивания человека, о чем открыто говорят некоторые западные интеллектуалы, то все становится более-менее понятно. Конечно, подобную точку зрения в западном обществе высказывать небезопасно. Мы по нашей глупости и наивности слишком долго считали западное общество образцом толерантности, свободы слова и т.д. Однако это просто миф, и не более. Некоторые «либерально» настроенные

⁴ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 25.

⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М. : Постум, 2015. С. 112–113.

господа иногда цитируют Вольтера, который в вольной интерпретации якобы сказал следующее: «Я с вами категорически не согласен, однако я готов отдать жизнь только за то, чтобы вы имели возможность это сказать». Даже если он это и говорил, то в жизни, будучи абсолютным циником и прагматиком, этому правилу не следовал никогда. Он, по его словам, не мог принять «философию оборванцев». Вот этому правилу он не изменял никогда. Достаточно обратиться к биографии Руссо, его преследованиям по цензурным соображениям.

В системе высшего юридического образования история политических и правовых учений некогда занимала особое место. *Эта дисциплина была самой мировоззренчески нагруженной. Она открывала студенту мир права и государства, начиная от глубокой древности до современности. Это был интересный и насыщенный предмет. Очень емкий. В его рамках буквально разжевывался онтологический статус самых базовых категорий юриспруденции — права и государства, других политических и правовых институтов.*

Сейчас наше телевидение спешно пытается представить «настоящую, не подцензурную историю» двадцатого — начала двадцать первого века. Сколько «открытий» обрушивается на мозг обывателя. А что же раньше-то молчали? Сегодня реальные факты нередко воспринимаются как дезинформация. Именно потому, что по разным причинам скрывали подлинные события. А теперь из рукава спешно достают.

Для тех, кто изучал историю политических и правовых учений, если не основательно, то хотя бы в рамках обычного вузовского курса, никаких «открытий» нет и быть не может. Все уже описано и проанализировано. Можно сколь угодно говорить о роли тех или иных отраслевых юридических дисциплин. Никто не отрицает. *Тем не менее только фундаментальные дисциплины, включая историю политических и правовых учений, способны дать ответ на очень простой и невероятно значимый вопрос: а, собственно, зачем вам нужно регулирование отношений в сфере гражданского оборота, финансов, налогов, природопользования и природоохраны и т.д.?* Речь идет о целеполагании. Право, а уж тем более закон, есть не более чем инструмент для достижения целей. Спрашивается, для каких

целей Россия на основе закона, я это особенно подчеркиваю, разрушала науку, образование, культуру, машиностроение, самолетостроение (перечислять можно долго)? И вот закономерный финал. И опять вечные «русские» вопросы. Особенно в канун 210-летия со дня рождения А. И. Герцена, который появился на свет вне брака от прелестной шестнадцатилетней немки и богатого русского помещика И. Яковлева. И фамилию мальчик — дитя большой любви — получил от немецкого Herz, что означает сердце.

История политических и правовых учений содержит мощный методологический потенциал. А сама методология включает мировоззренческие аспекты, особенно применительно к истории политических и правовых учений. В юридической науке на это обстоятельство обращали внимание некоторые исследователи.

По мнению члена-корреспондента АН СССР Д. А. Керимова, «методология — явление интегральное, объединяющее в себе ряд компонентов: мировоззрение и фундаментальные общетеоретические концепции (выделено мной. — А. К.), всеобщие философские законы и категории, обще- и частнонаучные методы. Поэтому методологию нельзя сводить к одному из названных компонентов, в частности к методу или учению о методах, поскольку за ее пределами останутся другие компоненты. Но дело не только в этом. Методология вовсе не представляет собой простое суммирование теоретико-мировоззренческих концепций, принципов, методов и средств познания, выработанных отдельными отраслями науки... она имеет и свои собственные (конечно же, относительно самостоятельные) интегративные закономерности развития»⁶.

Эти компоненты, считает Д. А. Керимов, находятся друг с другом в определенной связи и отношениях и самим этим фактом приобретают свойства, отличные от их единичного существования и действия. К примеру, фундаментальные общетеоретические концепции пронизывают мировоззрение; методы познания, сохраняя относительную самостоятельность, выступают как учение о методах и теоретико-гносеологических обобщениях; всеобщие философские законы и категории определяют границы применимости обще- и частнонаучных методов в конкретных исследованиях.

⁶ Керимов Д. А. Избранные произведения : в 3 т. М. : Академия, 2007. Т. 1. С. 57.

⁷ Степин В. С. История и философия науки. М. : Академический проект, 2014. С. 17.

В литературе порой методологию определяют как свод законов научного познания. Это слишком образная позиция, но она, вне всякого сомнения, имеет право на существование. Более того, пренебрежение методологическими основами может поставить под сомнение полученные результаты. Или сделанные прогнозы. От социальных наук более всего ожидают объяснения происходящего и предвидения будущего.

Существует традиционный набор функций науки: объяснение, описание и предвидение⁷. Иногда высказывается мнение, в соответствии с которым у науки есть две функции: объяснить явление и рационализировать социальную действительность. Иными словами, объяснить суть явления (онтология) и предложить вариант изменения действительности на основе открытия законов и закономерностей.

Для реализации второй функции идеально подходят социальные науки. Особенно юридическая наука. Мы по-прежнему исходим из того, что право служит для регулирования социально значимых отношений. Позиция справедливая. Однако она содержит некую долю пассивности. *Сегодня следует рассматривать право не просто как регулятор, но как механизм конструирования той реальности, которая наиболее предпочтительна.* Иными словами, право должно играть более активную роль в социальных практиках, нацеленных на получение общественно полезного результата. История политических и правовых учений предоставляет в этих целях огромный материал как теоретического, так и практического свойства. По той простой причине, что любая политико-правовая доктрина включает методологические, содержательные и программные компоненты. Живучесть учения оценивается прежде всего по его способности быть реализованным и дать определенный результат. Иногда результаты позитивны, а иногда нет. Это также следует иметь в виду.

О методологии юридических наук. По мнению Д. А. Керимова, «методология права есть не что иное, как общенаучный феномен, объединяющий всю совокупность принципов, средств и методов познания (мировоззрение, философские методы познания и учения о них,

обще- и частнонаучные понятия и методы), выработанных всеми общественными науками, в том числе и комплексом юридических наук, и применяемых в процессе познания специфики правовой действительности, ее практического преобразования»⁸.

Есть, конечно, некоторые сомнения в том, возможно ли квалифицировать методологию права в качестве общенаучного феномена. Однако бесспорным является тезис о практическом преобразовании правовой действительности с помощью методологического инструментария правовой науки и правовых норм, содержащих модели поведения с заранее планируемым позитивным результатом.

В качестве своеобразного мостика к дальнейшему изложению материала хотелось бы привести мнение известного юриста, уделяющего большое внимание методологическим проблемам юридической науки, профессора В. М. Сырых: «...метод правовой науки представляет собой систему, состоящую из пяти основных элементов: метода сбора единичных фактов, индуктивных методов, восхождения от конкретного к абстрактному, системно-структурного подхода, восхождения от абстрактного к конкретному и определенной совокупности субэлементов: методов толкования права, конкретно-социологических, статистических и других методов»⁹.

Хотя В. М. Сырых в этом определении характеризует метод, совершенно очевидно, что речь идет о методологии юридической науки. Из этого следует, что методология суть категория одновременно и сложная, и комплексная. Методологию невозможно себе представить без некоторого набора методов, которые находятся в определенной взаимосвязи, дополняя друг друга.

Огромное значение в методологии юридических наук имеет сравнительный метод, который применительно к истории политических и правовых учений занимает особое место. Как справедливо отмечали А. А. Тилле и Г. В. Швеков, «история политических учений без сравнительного метода невозможна. Любые выводы могут основываться лишь на сравнительном изучении существовавших и существующих политических и правовых идей»¹⁰.

⁸ Керимов Д. А. Указ. соч. С. 60.

⁹ Сырых В. М. Метод правовой науки. Основные элементы, структура. М. : Юридическая литература, 1980. С. 162.

¹⁰ Тилле А. А., Швеков Г. В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М. : Высшая школа, 1978. С. 120–121.

История политических учений, как и история государства и права зарубежных стран, — наука сравнительная по своему характеру и по своей природе. Некоторые буржуазные ученые (Ле Фюр, Дель Веккио) видели в истории политических учений, или, как они ее называли, в сравнительной философии права, смысл и содержание сравнительного правоведения, поскольку, в отличие от так называемого сравнительного законодательства, она не имеет прагматических целей, осуществимость которых сомнительна, а устанавливает «законы и ритмы развития правовых идей»¹¹.

Коль скоро в части методологии можно встретить разные точки зрения, то любой исследователь вправе использовать те из них, которые отвечают, во-первых, его методологическим ориентациям, а во-вторых, тем исследовательским задачам, которые он перед собой ставит. Название статьи говорит об интересе к методологическим подходам. Они разные. Если методология в самом общем виде есть набор методов, которые используются для получения научно значимой информации, то подходы суть категории комплексные. Порой к методологии как инструментарию относятся несколько вольно. Так, известный современный американский юрист Р. Познер, касаясь различий в понимании владения, которые он наблюдает у О. Холмса и К. Савиньи, констатирует: «До сих пор ничего не указывало на наличие методологического расхождения между Савиньи и Холмсом. Это расхождение следует искать не в отдельных правилах и результатах, а в различии подходов к теории и истории»¹².

Вместе с тем в этой позиции есть и рациональное зерно. К примеру, историю, и даже теорию, можно использовать и в качестве метода, направленного на получение знания. Если говорить о научном знании, то оно должно быть новым.

Это в полной мере касается истории политических и правовых учений. Новизна может приобретать разные формы выражения. К примеру, взгляды какого-то мыслителя до известного момента не привлекали внимания исследователей. Приходит время, и его теория может быть востребована. То же самое можно говорить и о проблемах. Научная проблема как таковая и порождает необходимость в проведении научного исследования. В науке выделяют восемь

типов проблем, разбивая их на очевидные (явные) и неочевидные (скрытые, неявные). Имеет место и классификация уже внутри этих классов проблем. В науке особенно ценится обнаружение неявных проблем.

Известный социолог П. А. Сорокин ориентировал исследование социальной реальности на выявление ценностей, лежащих в основе определенного типа культуры и адекватной ему системы социальных связей. Он выделял три типа мировосприятия: чувственное, рациональное и интуитивное. Интуиция иногда приводит к гораздо более продуктивным результатам, чем длительные наблюдения и эксперименты.

В прежние исторические периоды — взять, к примеру, вторую половину XIX в., начало XX в. — создавались выдающиеся произведения. Прежде всего, в Европе. Да и в России было много энциклопедически образованных авторов. Правда, некоторые из них стажировались или учились за казенный счет в европейских университетах. Мы до сих пор считаем их непревзойденными классиками, относимся к ним с пиететом. Для этого есть все основания. Между тем их методологический инструментарий по сравнению с современным периодом был не так богат. Надо прямо сказать, что у них было не так много данных о прежней социальной истории человечества, нежели сейчас. Да, в чем-то ошибались. Но от этого ценность их произведений нисколько не уменьшается.

Применительно к проблеме, которая вынесена в заглавие, можно констатировать следующее: *то, что мы считаем направлениями в науке (история, философия (с оговорками), социология), они считали методами исследования.*

Так, Г. Еллинек полагал, что исследование государства может быть историко-социальным и юридическим. Исторический способ исследования государства он рассматривает в связи с эволюционным методом. Со времен исторической школы права считается необходимым включать в научное исследование историческую часть. Ученый задается вопросом: насколько понимание существующего учреждения обусловлено изучением его истории. Исторический метод исследования основывается, считает он, на предположении, что история должна показать не только смену явлений, но и их зарождение, рост, прекращение. В этом

¹¹ Тилле А. А., Швеков Г. В. Указ. соч. С. 120.

¹² Познер Р. Рубежи теории права. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 222.

ракурсе исторический подход сближается с эволюционным методом¹³.

Хорошо известно, что Г. Еллинек высоко ценил исторический метод в контексте понимания и развития правовых и политических институтов. Для изучения проблем современной науки он не так полезен.

В. И. Ленин, как известно, занимал прямо противоположную позицию. И она является предпочтительной. Для подлинной науки, а не для околонуточных фантазий. Только исторический подход дает нам возможность понимать истинную природу государства и права прошлых эпох, а стало быть, и теоретических представлений о них как орудий классового господства. Некоторые современные авторы во все это не вникают и в своих работах выставляют государства Древнего Востока и Средиземноморья чуть не комитетами помощи бедным. То же самое касается и права. Ну как можно интерпретировать историю права как «историю свободы»? Историю несвободы — да. А противоположная точка зрения не выдерживает никакой критики под давлением неопровержимых социально-исторических фактов. Л. Мечников вообще считал, что государственно-правовая история человечества начинается с деспотии, причем в самой ужасной форме: «Всегда и всюду история заносит на свои скрижали лишь тяжкий, очень часто кровавый труд, который существующее в данный момент поколение выполняет ради пользы неизвестного будущего»¹⁴.

Таким образом, история вовсе не такая, как ее нам нередко хотят представить. Переписывание истории есть прием, нередко используемый. Примеров тому великое множество.

Рассмотрение истории как метода или философии — это прием, который используют и современные исследователи. И такой подход не лишен научных оснований. Некогда философия была вместилищем многих наук. То, что ранее именовалось натурфилософией, сегодня называют естественно-научными дисциплинами. Конечно, у социальных, естественных, технических наук и математики свои методы. Математика сама есть метод. Имеет хождение известное изречение: «Книгу природы Бог написал языком математики».

Итак, философия или философский метод? Хорошо известно, что атомистическая картина мира обоснована древнегреческими философами и только через много веков подтверждена физикой. Чего только стоит обоснование Платоном и Аристотелем таких понятий, как «сущность», «форма», «содержание», «истина», «причина» и «следствие». Логика Аристотеля... Ее значение трудно переоценить. Многовековые размышления о *части* и *целом* существенно обогатили науку, и прежде всего социальную. В. С. Степин обоснованно высказывает методологически окрашенное мнение: «...задача выработки категориальных структур, обеспечивающих выход за рамки традиционных способов понимания и осмысления объектов, во многом решается благодаря философскому познанию»¹⁵.

Сегодня мы наблюдаем явный мировоззренческий кризис. Неоднократно приходилось высказывать мнение о девальвации экономических, политических, социальных и правовых проектов, которые долгое время считались эталонными. Именно под них выстраивались национальные модели. Они выступали в качестве своеобразного «идеального объекта», если воспользоваться терминологией М. Вебера. Теперь они внезапно потускнели. Уже никто более с восторгом не говорит ни о рыночной экономике, ни о демократии. Слишком много накопилось отрицательной массы. Да и наука находится на распутье. Технологии стали угрожать самому человеку как продукту эволюции или сотворенному по образу и подобию Бога. И здесь опять прав В. С. Степин: «История науки дает множество свидетельств тому, что в периоды кризисов, когда возникала потребность переосмысления фундаментальных понятий и представлений науки, она обращается к философии»¹⁶.

История политических и правовых учений (по одной из версий сравнительная философия права) как раз философию как метод просто обязана использовать. Тем более что категории и конструкции, имеющие методологическое значение, базируются на философских основаниях. Не стоит забывать и о том, что граница между философией права и историей полити-

¹³ Цит по: Фролова Е. А. Методология и философия права. От Декарта до русских неокантианцев. М. : Проспект, 2017. С. 102.

¹⁴ Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. М. : Айрис-Пресс, 2013. С. 142.

¹⁵ Степин В. С. Указ. соч. С. 255.

¹⁶ Степин В. С. Указ. соч. С. 254.

ческих и правовых учений отнюдь не китайская стена. История политических и правовых учений справедливо именуется историей общей теории права и государства, а философия права является ее составной частью.

История как метод. Споры о статусе истории не утихли до настоящего времени. Главный упрек историческому знанию состоит в том, что оно не раскрывает никаких исторических законов, коих по определению быть не может (К. Поппер). Но это далеко не единственное мнение. Во всяком случае, когда в XIX в. обозначился процесс дифференциации наук, в том числе и тех, которые получили в дальнейшем наименование социально-гуманитарных (одна из версий), то практически все признавали, что двум наукам — истории и юридической науке — ничего доказывать не нужно. У них есть свой объект, предмет, методология.

По идее, история должна заниматься изучением движения социальной материи, если воспользоваться постулатами классиков исторического материализма. В действительности же предметное поле истории практически не знает границ. Имеет место история политических и правовых учений, история математики, история естествознания, история методологии, история философии, история культуры, история религий, история техники и пр. Перечень может быть очень длинным. Практически предмет истории не может быть очерчен какими-либо границами. В этом смысле история в чем-то сходна с социологией. Имеется в виду не социология как таковая, изучающая общество, а социология общностей или каких-либо сегментов социума. К примеру, социология права или социология организации.

По факту каждая отрасль научного знания имеет *свою* историю. В том числе и историю природы. Не будем забывать, что существует связь между социальной и природной системами. И связь эта проявляется в двойственной природе человека — существа одновременно биологического (природного) и социального.

История — это не то, что было на самом деле, а только то, что человечество знает о себе самом и помнит в качестве существенных и несущественных событий. Если иметь в виду данный подход, то история существует как минимум в трех формах: как позитивная наука, как философия истории, как идеология (социальная мифология). Первая делается профессиональ-

ными историками и отражена в специализированных трудах, вторая — философами, третья творится самим обществом (властью, социальными институтами и социальными группами), являясь органической частью общественного, группового и индивидуального сознания и самосознания. Очевидно, что между этими историями нет непроходимой черты¹⁷.

История политических и правовых учений, как следует из названия, наука историческая. Но не только. Она при этом еще и политическая, юридическая, теоретическая. В данном контексте она вбирает в себя в той или иной степени все три формы истории, о которых говорилось выше.

В истории как науке наблюдается два конкурирующих подхода. Одни ученые считают, что история развивается линейно. То есть существует некая линия, олицетворяющая движение социальных практик. В силу этого история никогда не повторяется, а исторические события носят строго очерченный характер. Другие же полагают, что история развивается в силу повторяющихся циклов. Стало быть, цикличность событий дает основание свидетельствовать о неких закономерностях и даже законах исторического развития. Спор этот давний. Для истории политических и правовых учений он принципиального значения не имеет. Доктрины как формы теоретического знания имеют место как при линейной интерпретации истории, так и при цикличной.

Отечественная традиция изучения истории политических и правовых учений состоит в том, что их следует рассматривать под углом принципа историзма. Она идет от Гегеля и Маркса, которые убедительно аргументировали необходимость его соблюдения. То есть любые события, как и всякое учение, следует рассматривать в конкретно-историческом ключе. Представляется, что данный принцип и исторический поход (метод) не одно и то же. История несравненно шире. С этим трудно спорить. Тем не менее принцип историзма себя полностью оправдал. Правда, в рамках истории политических и правовых учений исторический метод диалектически предполагал связь с логическим методом. Но это отдельная история.

Конкуренция подходов (методов) более всего проявляется в оценках, в частности политических и правовых доктрин. Любопытную точку зрения высказал протоирей В. В. Зеньковский,

¹⁷ Жуков В. Н. Философия права. М. : Мир философии ; Алгоритм, 2019. С. 54.

профессор Православного богословского института в Париже: «...историк не может обойтись в своем исследовании без оценок. Историк не нужно быть “судьей”, делать запоздалые и ненужные “замечания” отдельным мыслителям, но он не может обойтись без оценочных суждений. Да, “объективность” не в том и состоит, чтобы в его изложение не входила оценка. Риккерт и его последователи правы в своей теории исторического знания, когда подчеркивают значение момента ценности при самом исследовании исторического материала. Однако наличность и оправданность оценочного момента у историка не означает произвольности в оценках: по существу, всякая оценка претендует на то, что ее примут другие люди, т.е. свидетельствует этим о своей надындивидуальной природе. Корни наших оценок, конечно, глубоко субъективны, но их интенция решительно надындивидуальна, — и каждому из нас и в жизни, и в исторических суждениях должно освобождаться от предубеждений, случайных и непроверенных оценок, освобождаться от тех скрытых движений души, которые связаны, например, с “партийностью”, — освобождаться вообще от психологии сектантства»¹⁸.

В иные времена никто бы не отважился цитировать представителя эмигрантской общественно-политической мысли. Если только в порядке критики. Все выглядит убедительно. Однако создается впечатление, что сам В. В. Зеньковский не вполне свободен от индивидуальных оценок. Упрек в «партийности» и сектантстве явно адресован В. И. Ленину, который в истории идей видел их борьбу, приводящую к смене одних идей другими. Он же призывал видеть за теми или иными идеями интересы определенных классов и социальных групп. И, если быть объективным, Ленин прав абсолютно.

Однако нельзя отказать в правоте и В. В. Зеньковскому. Оценки не могут носить произвольного характера. Основная трудность состоит в освобождении от субъективного фактора. И здесь как раз *исторический фон*, на котором создавалось учение, способствует адекватной оценке политико-правовой доктрины.

Социология как метод. Основоположником социологии принято считать О. Конта, некогда секретаря Сен-Симона, который повлиял

на систему его взглядов. Собственно говоря, он ввел термин «социология». Известный русский социолог Н. И. Кареев полагал, что если кто-либо имел право называться социологом в то время, когда еще не было социологии, то это право принадлежит Монтескьё. Об отношении Конта к юриспруденции Кареев выразился предельно ясно. «Менее всего, — пишет он, — имеет какое-либо отношение социология Конта к юриспруденции»¹⁹. Конт называл юристов вождями общества и ставил их рядом с метафизиками. В его оценках это вовсе не комплимент.

Э. Дюркгейм считал предметом данной науки социальные факты, которые, с одной стороны, не зависят от индивида, а с другой стороны, оказывают на него принудительное воздействие. Применительно к истории политических и правовых учений имеет большое значение умозаключение известного социолога: «Человек не может жить среди явлений, не составляя себе о них идей, которыми он руководствуется в своем поведении. Но так как эти понятия ближе и понятнее нам, чем реальности, которым они соответствуют, то мы, естественно, склонны заменять ими последние и делать их предметом наших размышлений»²⁰.

Человек живет в мире социальных явлений или, как полагал Дюркгейм, социальных фактов. Кстати, к социальным фактам он относил и верования. «Миром правят идеи» — этот тезис разделяли очень многие. Если говорить о Франции, то его придерживались некоторые энциклопедисты-просветители и даже далекий от всяких теоретических конструкций Наполеон Бонапарт. Материалистический подход (методология) с такой постановкой вопроса категорически не согласовывается. Однако суть не в этом. Мы не можем отрицать влияние идей на формирование политических и правовых институтов, мировоззрение, деятельность, как отдельных личностей, так и социальных групп, классов и всего общества в целом. За примерами ходить далеко не нужно. Достаточно посмотреть на те процессы, которые происходят на постсоветском пространстве. И не только. Борьба ценностей и идеологий, которую мы наблюдаем, может привести к принципиально иной геополитической конфигурации. Все зависит от того, кто победит в этой войне.

¹⁸ Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Л. : Эго, 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 21.

¹⁹ Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. СПб. : Изд-во РХГА, 2008. С. 54.

²⁰ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Терра — Книжный клуб, 2008. С. 80.

Если социология, по одной из версий, должна заниматься социальными фактами, по другой — исследовать законы и закономерности, в силу которых развивается общество, то из этого следует определенный вывод. Он состоит в том, что идеи и доктрины формируются под влиянием целой системы социальных факторов. Это то, что обычно квалифицируют как реальность. И здесь мы видим не только взаимосвязь исторического и логического, но прежде всего диалектику социального и исторического. Их разделение весьма условно. Но его можно применять. Учение имеет социальное основание. Использование социологии как метода позволяет раскрыть как раз те социальные факторы, которые повлияли на содержание теорий.

Необходимо сделать небольшое уточнение. Социальные науки, составной частью которых являются социология и юридические дисциплины,

имеют дело не с единичным фактом, а с коллективным социальным опытом. Но только на этой методологической платформе можно выявить законы и закономерности. Да и политические доктрины, с одной стороны, выстраиваются на нем, а с другой — они нацелены на то, чтобы создавать другие политико-правовые практики.

Строго говоря, о конкуренции методологических подходов можно говорить только с известной долей условности. Ранее методология имела не только научное, но прежде всего идеологическое значение. В настоящее время есть все основания говорить о синтезе методов (подходов), которые должны приблизить исследователя к объективной оценке объекта и предмета познания. У всех юридических наук объект один — это право и государство. Предметы разные.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. — М. : Постум, 2015. — 240 с.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М. : Книга, 1991. — 574 с.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. — М. : Терра — Книжный клуб, 2008. — 400 с.
4. Жуков В. Н. Философия права. — М. : Мир философии ; Алгоритм, 2019. — 559 с.
5. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Т. 1. Ч. 1. — Л. : Эго, 1991. — 222 с.
6. Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. — СПб. : Изд-во РХГА, 2008. — 816 с.
7. Керимов Д. А. Избранные произведения : в 3 т. Т. 1. — М. : Академия, 2007. — 432 с.
8. Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. — М. : Айрис-Пресс, 2013. — 320 с.
9. Познер Р. Рубежи теории права. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 480 с.
10. Степин В. С. История и философия науки. — М. : Академический проект, 2014. — 424 с.
11. Сырых В. М. Метод правовой науки. Основные элементы, структура. — М. : Юридическая литература, 1980. — 176 с.
12. Тилле А. А., Швеков Г. В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. — М. : Высшая школа, 1978. — 199 с.
13. Фролова Е. А. Методология и философия права. От Декарта до русских неокантианцев. — М. : Проспект, 2017. — 304 с.

Материал поступил в редакцию 10 мая 2022 г.

REFERENCES

1. Baudrillard J. Simulyakry i simulyatsii [Simulacra and simulations]. Moscow: Postum Publ.; 2015. (In Russ.).
2. Danilevskiy NYa. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow: Kniga Publ.; 1991. (In Russ.).
3. Durkheim E. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow: Terra-Knizhniy klub Publ.; 2008. (In Russ.).
4. Zhukov VN. Filosofiya prava: [Philosophy of Law]. Moscow: Mir filosofii, Algoritm Publ.; 2019. (In Russ.).
5. Zenkovskiy VV. Istoriya russkoy filosofii: v 2 t. [History of Russian Philosophy. In 2 vols.]. Vol. 1. Part 1. Leningrad: Ego Publ.; 1991. (In Russ.).

6. Kareev NI. Vvedenie v izuchenie sotsiologii [Introduction to the study of sociology]. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences; 2008. (In Russ.).
7. Kerimov DA. Izbrannye proizvedeniya: v 3 t. [Selected works: In 3 vols.]. Vol. 1. Moscow: Akademiya Publ.; 2007. (In Russ.).
8. Mechnikov L. Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki [Civilization and the great historical rivers]. Moscow: Ayris-Press Publ.; 2013. (In Russ.).
9. Pozner R. Rubezhi teorii prava [Frontiers of the theory of law]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2017. (In Russ.).
10. Stepin VS. Istoriya i filosofiya nauki [History and philosophy of science]. Moscow: Akademicheskiy proekt Publ.; 2014. (In Russ.).
11. Syrykh VM. Metod pravovoy nauki. Osnovnye elementy, struktura [Method of legal science. (In Russ.). Basic elements, structure]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1980. (In Russ.).
12. Tille AA, Shvekov GV. Sravnitelnyy metod v yuridicheskikh distsiplinakh [Comparative method in legal disciplines]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1978. (In Russ.).
13. Frolova EA. Metodologiya i filosofiya prava. Ot Dekarta do russkikh neokantiantsev [Methodology and philosophy of law. From Descartes to Russian neo-Kantians]. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. (In Russ.).